

А. А. ИЛЬИН

**“РАЗДИРАЮЩИЙ ДУШУ ВОПЛЬ”
СПОР А. И. ГЕРЦЕНА И Б. Н. ЧИЧЕРИНА
О РОЛИ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИКЕ**

В статье рассматривается спор А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина на страницах газеты «Колокол» в 1858–1859 гг. Показано, что основным предметом дискуссии была роль эмоций в политике. Анализ различных аргументов демонстрирует, что А.И. Герцен был сторонником искреннего проявления чувств в журналистике и политике, в то время как Б.Н. Чичерин поддерживал рационализацию политической сферы ради предотвращения беспорядков и революций. Обосновывается вывод о том, что этот спор повлиял на отношение к эмоциям социалистов и либералов в России.

Ключевые слова: *А.И. Герцен, Б.Н. Чичерин, эмоции, история эмоций, «Колокол»*

Эмоции стали в последние годы предметом пристального внимания представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин, в т.ч. историков. Можно говорить о появлении нового направления – истории эмоций¹ Историки, занимающиеся проблемой эмоций, опираются на разные теории и приемы исследования, но можно выделить два положения, получившие практически всеобщую поддержку. Первое из них: эмоции не являются «естественной» частью психики человека, но, как минимум в некоторой мере, представляют собой социальный или культурный конструкт. Второе следует из первого: эмоции имеют собственную историю, так как общество и культура, влияющие на них, постоянно меняются.

Эмоции скоротечны и практически не оставляют следов в источниках, что создает серьезную проблему для их исследования. Историки поэтому сосредоточились на том, что изучать гораздо легче, на наборах правил, которые регулировали эмоции в разные эпохи, определяя, как эмоции следует демонстрировать, описывать и оценивать. Было замечено, что эти правила (составляющие, в терминах У. Редди, “эмоциональные режимы”) регламентируют эмоциональность людей не только в их частной жизни, но и в публичной сфере. На протяжении столетий разные политические силы создавали свои собственные эмоциональные режимы, которые находились в тесной взаимосвязи с другими элементами их идеологии². В настоящей статье исследуется столкновение двух разных эмоциональных режимов и стоящих за ними политических направлений. «Эмоциями» или «чувствами» будут называться сильные субъективные переживания, которые участники исследуемой дискуссии противопо-

---

¹ Plamper 2015; S. Matt, Stearns 2013; Плампер, Шахадат, Эли 2010.

² Reddy 2001. P. 55.

ставляли «разуму» и называли буквально или метафорически «чувством», «страстью», «порывом», «сердцем», «воплем» и т.д.

Прежде чем приступить к рассмотрению самого спора следует сказать несколько слов об авторстве текстов, которые являются источниками по его истории. Их атрибуция на протяжении более чем ста лет вызывала разногласия и породила много неточностей и искажений. Не вызывало сомнения у историков то, что именно Б.Н. Чичерин написал статью против Герцена, озаглавленную «Обвинительный акт». Тот отвечал Чичерину, по общему мнению, в редакторском предисловии к письму последнего³ и в статье «Нас упрекают»⁴. Нет разногласий и в том, что автором частного письма в поддержку Герцена, которое подписали семь петербургских литераторов, был его друг и бывший соратник К.Д. Кавелин⁵.

Такой определенности нет относительно двух открытых писем в поддержку Герцена, которые вышли на страницах «Колокола» в декабре 1858 и январе 1859 гг.: протест против статьи Чичерина с небольшой вступительной заметкой от редакции⁶ и его продолжение, подписанное «Письмо к издателю Колокола»⁷. Первым эти статьи опубликовал М.П. Драгоманов в своем издании писем К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева Герцену, которые исследователь извлек из архива, принадлежавшего тогда Татьяне Александровне, дочери А.И. Герцена. Никаких дополнительных источников, кроме подшивки «Колокола», у него не было. Он приписал эти статьи Кавелину⁸, видимо, основываясь на том, что в одном из личных писем к Герцену он касался своего несогласия с Чичериным и высказывал мысли, близкие к тем, что можно обнаружить в этих анонимных статьях⁹. Предположения издателя-эмигранта раскритиковал историк и архивариус Н.П. Барсуков. В 15-й книге «Трудов и дней М.П. Погодина» (1901), он, ссылаясь на личное мнение Чичерина, приписал письмо в «Колоколе» от 15 декабря Н.Г. Чернышевскому¹⁰. Действительно, в Петербурге практически все общественные деятели (кроме Н.А. Милютина) выступили на стороне Герцена. Навести на мысль о причастности Чернышевского могло и то, что он вскоре после описыва-

---

³ Герцен 1958. Т. 13. С. 404-406.

⁴ Герцен 1958. Т. 13. С. 261-263.

⁵ ОР РГБ Ф. 334 П. 2 Ед хр. 22. Л. 17-26. В «Колоколе» вышли и другие материалы неуставленного авторства в поддержку или с критикой Чичерина (Спартанский 1859; Еще и еще письма ... 1859. С. 315-316; Из второго письма 1859. С. 327-329), но они не вызывали ни заметного интереса, ни тем более разногласий исследователей, поэтому проблемы их атрибуции не будут затрагиваться.

⁶ Протест против ... 1858. С. 253-254.

⁷ Панаев В.А. 1859. С. 260-264.

⁸ Драгоманов 1892. С. 16-43.

⁹ Кавелин 1892. С. 13-14.

¹⁰ Барсуков 1901. С. 259-261.

емых событий, в мае 1859 г., напечатал в «Современнике» резко негативную рецензию на сборник статей Чичерина «Англия и Франция». В ней можно увидеть намек на споры вокруг «Колокола»¹¹. Ошибку Чичерина можно связать также с тем, что он принадлежал к московским либеральным кругам, большая часть его жизни была связана с Москвой, а не Петербургом, петербургские события он обычно узнавал из вторых рук. Кроме того, зимой 1858–1859 гг. он жил в Ницце, и потому мог не знать многих подробностей происходившего в то время в России.

Точка в споре, казалось, была поставлена благодаря появлению нового источника. В 1902 г. в «Русской старине» вышли мемуары В.А. Панаева, двоюродного брата издателя «Современника» И.И. Панаева. В них он детально описал историю своего знакомства с Герценом, а также историю создания писем в его защиту¹². М.К. Лемке, редактор собрания сочинений А.И. Герцена, в комментариях к 9-му тому поместил подробную историю попыток атрибуции писем в защиту редактора «Колокола» и сделал вполне убедительный вывод, опираясь на вышедшие воспоминания, что именно В.А. Панаев был автором двух названных статей¹³.

Тем не менее, история продолжилась: в 13-м томе полного собрания сочинений Герцена, вышедшем в 1958 г., была допущена новая неточность. Составители поместили в нем не только заметку Герцена, но и первое письмо В.А. Панаева, следовавшее в газете сразу за ним¹⁴. Создавалось впечатление, что автор всего текста – сам Герцен, чему способствовала и ссылка в комментарии на Лемке, который, как пишут редакторы, установил авторство Герцена¹⁵. На самом деле утверждения Лемке относились не ко всему тексту, а лишь к анонимному редакторскому предисловию к письму читателя; он специально остановился на вопросе авторства, чтобы доказать, что вступление написал А.И. Герцен, а не второй редактор, Н.П. Огарев. Эта неточность послужила основой для далеко идущих выводов в докладе, прозвучавшем на конференции по случаю 200-летия со дня рождения А.И. Герцена, прошедшей в 2012 г. в Институте философии РАН. В статье, написанной на основе доклада, читаем:

«Поглощенный конфликтом, Герцен не заметил, что начинает действовать совершенно уж неприлично и даже низко. В номере от 15 декабря, то есть через 14 дней после публикации письма Чичерина, Герцен как бы невзначай в разделе «Смесь» публикует письмо анонимного автора из Германии, в котором тот обрушивается на «г. Ч.» и превозносит гражданское мужество Герцена, его заслуги перед Россией. При этом сам Герцен в предисловии к этому письму кокетливо заявляет, что положение обязывает его публиковать статьи против себя, но приличие не позволяет ему публиковать статьи в свою

---

¹¹ Чернышевский 1985.

¹² Панаев 1902.

¹³ Герцен 1919. С. 406-424, 440-442, 484-495.

¹⁴ Герцен 1958. Т. 13. С. 416-418.

¹⁵ Герцен 1958. Т. 13. С. 604.

поддержку. Однако автор требует, и он публикует данное письмо. Можно было бы удивляться скорости работы почты и оперативности печати, если бы только текст письма не принадлежал перу... самого Герцена. Такие поступки говорят, конечно, о многом. <...> Авторство Герцена было установлено еще в начале XX века. Письмо вошло в 13-й том собр. соч. (в 30 т.)»¹⁶.

Скорость публикации ответа Чичерину можно объяснить тем, что газета выходила в Лондоне, а В.А. Панаев в то время находился в Брюсселе. Сам Герцен писал, что письмо пришло из Германии, но это следствие ошибки или каких-то конспиративных соображений. Географическая близость двух городов делает вполне вероятным появление ответа Панаева в газете уже через две недели после публикации «Обвинительного акта». Без прояснения вопроса авторства было бы невозможно приступить к анализу соотношения позиций Герцена с позициями других участников дискуссии. В противном случае, пришлось бы признать, что Герцен спорил и соглашался в разных статьях сам с собой.

Александр Иванович Герцен был одним из тех, кто начал общественную дискуссию о реформах, затеянных правительством после восшествия на престол Александра II в 1855 г. Выходившие в Лондоне нелегальные издания его «Вольной русской типографии» пользовались большим спросом в Российской империи в 1855–1863, гг., пока его поддержка польского восстания 1863 г. не сказалась на их популярности. Прежде всего, это альманах «Полярная звезда» и выходившая в качестве приложения к нему газета «Колокол», сборник «Голоса из России». Наибольшим влиянием пользовался «Колокол», Герцен не только издавал газету, но также редактировал, помещал в ней множество собственных статей и небольших заметок. Читателей привлекало в ней то, что она не была подвластна цензуре, в ней без ограничений публиковались сообщения о злоупотреблениях представителей власти, а также слухи и даже секретные документы, относящиеся к разработке предстоящих реформ.

Герцен стремился привлечь максимально широкую аудиторию, поэтому программа «Колокола» была относительно умеренной, чтобы не отпугивать потенциальных читателей: отмена цензуры, крепостного права и телесных наказаний¹⁷. Тем не менее, довольно быстро наметились разногласия между либеральной и радикальной аудиториями издания. Это можно объяснить тем, что Герцен никогда не скрывал свои социалистические и демократические взгляды, которые находили выражение в содержании газеты. Если статьи за его подписью обычно были довольно взвешенными, то материалы от корреспондентов из России подчас были резки, содержали призывы к насильственному решению существующих в России проблем, что не могло найти сочувствия у либеральных читателей¹⁸.

---

¹⁶ Чижков 2013. С. 103-104.

¹⁷ Герцен 1958. Т. 13. С. 8.

¹⁸ Письмо из провинции... 1860.

Наметившиеся разногласия свидетельствовали о размежевании двух политических лагерей в России: либерального и радикального. Одним из самых заметных эпизодов стала публикация статьи Б.Н. Чичерина «Обвинительный акт» на страницах «Колокола» в 1858 г., в которой он выступил резко против издателя газеты и его сторонников из числа социалистов и демократов¹⁹. Вслед за этой публикацией в «Колоколе» вышел ряд статей как в поддержку Чичерина, так и против него. Разгорелся спор вокруг ситуации в России накануне реформ. Все его участники сходились в том, что Россия нуждается в преобразованиях, и что определяющую роль в их проведении будет играть правительство. Тем не менее, не было единства по поводу того, что должна делать публика в этих условиях: следует ли ей критиковать правительство, готовящее реформы? Герцен и его сторонники считали, что критика властей «Колоколом» подстегивает преобразования, создает необходимое давление на власти: в противном случае правительство бы действовало нерешительно и постаралось бы минимизировать невыгодные для себя перемены. Чичерин и те, кто его поддержал, настаивали на том, что резкая критика лишь пугает правительство и общество и тем самым тормозит реформы.

Спор А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина неоднократно рассматривался исследователями²⁰. В настоящей статье будет предложена новая точка зрения на эту дискуссию и на ее предмет. Герцен и Чичерин говорили не только о конкретных политических целях и способах их достижения, но и о том, по каким принципам должна быть устроена политическая жизнь в России. Речь шла, прежде всего, о роли эмоций в политике. Стороны не могли прийти к единому мнению о том, могут ли политические агенты демонстрировать эмоции или же они должны их скрывать; можно ли агитировать за свою позицию посредством эмоций, а не рациональных доводов; стоит ли действовать, руководствуясь эмоциями.

Начало спору, можно считать, было положено анонимным и неизвестным нам автором письма в редакцию, который критиковал Герцена за то, что тот из осторожности и нежелания ссориться с русскими властями не печатает действительно острых материалов, присылаемых из России²¹. Герцен был представлен в статье как руководствующийся чувствами человек, который путает патриотизм и лояльность конкретному русскому правительству и монарху: «Увлекаясь сердцем, вы ставите невольно вперед вашу личность с вашей теплой любовью к России, тоской по ней. Не позволяйте же этому нежному чувству превратиться в слабость, которою может воспользоваться казенная Россия»²². По мне-

---

¹⁹ Чичерин 1858.

²⁰ Герцен 1919. С. 406-424, 440-442, 484-495; Бушканец 1956; Kelly 1977; Чижков 2013.

²¹ Опоздавшие письма ... 1858. С. 188-190.

²² Опоздавшие письма ... 1858. С. 189.

нию анонимного автора, Герцен должен был оставить надежды на примирение с официальным Петербургом и позволение вернуться в Россию. Вместо этого следовало сосредоточиться на «ее будущности», ради будущей России продолжить свои разоблачения России настоящей. «Факты, факты и факты!»²³ – таково было главное требование. Он не подвергал критике подверженность Герцена чувствам как таковую, но он настаивал на том, что чувства всегда должны иметь правильный, осознанный предмет. Герцену как патриоту следовало любить Россию будущего, а не официальную Россию настоящего.

Более радикальную позицию по журналистской деятельности Герцена занял Б.Н. Чичерин. Он посетил Герцена в его доме в Лондоне, но они быстро разошлись во взглядах. Многочисленные противоречия проявились в личном общении и переписке и привели к публикации статьи «Обвинительный акт». Обвиняя издателя «Колокола» в безответственности и склонности к радикализму, Чичерин видел причину в его излишней эмоциональности. Он признавал важность разоблачительных статей, открывающих для публики новые факты, но выступал резко против того, что Герцен придавал присланным из России сообщениям броскую, яркую, провокационную форму. Чичерин утверждал, что Герцен, в погоне за популярностью, способствовал возбуждению страстей у публики. Вместо этого, утверждал он, Герцену следовало выработать последовательную политическую программу по актуальным вопросам и тем самым начать формировать полноценное общественное мнение в России. По мысли «Ч.» (так была подписана статья), журналистика, как и политическая деятельность, на которую она может оказывать существенное влияние, всегда основываются на рациональных аргументах в пользу тех или иных решений и действий. Чичерин критиковал «Колокол» не за то, что газета занимала радикальную политическую позицию. У газеты, считал он, вообще отсутствовала какая-либо позиция, потому что для любой определенной точки зрения, в том числе радикальной, требуется рациональное описание и оправдание. Даже для того, чтобы быть революционером, писал он, требуется «такт» и «мысль»²⁴.

«Колокол», по мнению Чичерина, состоял из сообщений и призывов, рассчитанных на то, чтобы вызывать гнев и негодование, которые распространялись в публике подобно эпидемии. Под действием страстей, как сам Герцен, так и его аудитория, постоянно меняли свое мнение, бросались из крайности в крайность. Следовательно, они не были способны поставить перед собой долгосрочную цель, выдвинуть политическую программу для решения существовавших проблем. Так, согласно Чичерина, те, кто был подвержен эмоциям, обрекали себя на без-

²³ Опоздавшие письма... 1858. С. 190.

²⁴ Чичерин 2010. С. 404.

действие именно в тот момент, когда политическая ситуация требовала противоположного. Чичерин говорил, что он, как и другие «мыслящие люди России», не могут доверять подобному подходу:

«Мы слышим от Вас не слово разума, а слово страсти. [...] Вы человек брошенный в борьбу, вы исходите страстной верой и страстным сомнением, истощаетесь гневом и негодованием, впадаете в крайность, спотыкаетесь много раз. Это ваши собственные слова. Но неужели это требуется от политической деятельности? Я полагал, что здесь именно необходима обдуманность, осторожность, ясное и точное понимание вещей, спокойное обсуждение цели и средств; я полагал, что политический деятель, который истощается гневом, спотыкается на каждом шагу, носится туда и сюда по направлению ветра, тем самым подрывает к себе доверие, что впадая в крайность он губит собственное дело»²⁵.

Интересно, что с этим доводом согласился не только единственный из публично выступивших сторонников Чичерина²⁶. Авторы писем против «Обвинительного акта» либералы В.А. Панаев и К.Д. Кавелин, тоже заявили, что в целом разделяют взгляды своего оппонента. Панаев, написавший письмо в «Колокол» от лица все тех же «мыслящих людей России»²⁷, позднее вспоминал: «Обвинительный акт написан был очень умно, во многом был справедлив, но был написан тоном издевательства над деятельностью Герцена. Находя, что автор «Обвинительного акта» не понимал роли и значения изданий Герцена, я написал возражение и послал его для печати в Лондон»²⁸. Действительно, напечатанная в «Колоколе» статья Панаева начиналась с утверждения, что «обвинительные пункты» вполне возможно справедливы²⁹. Парадоксальную позицию занял К.Д. Кавелин, друг и соратник Чичерина, ранее высказывавший практически те же самые идеи по поводу деятельности Герцена. В их совместной статье 1855 г. уже звучали упреки последнему в пристрастии к «мелодраматическим сценам»³⁰. Теперь же, по-прежнему соглашаясь с Чичериным по существу, он, тем не менее, счел нужным поддержать «Колокол»:

«Основная мысль Вашего письма как нельзя вернее. После первых взрывов негодования на порядок дел, какой у нас есть, на лица, которые стоят у нас на первом плане, давным давно следовало серьезнее подумать о том что предстоит делать, чего ожидать, по какому направлению идти. К сожалению, не только Лондонская, но и Русская наша литература, с этой стороны, сильно смахивает на фразу, мало питая ум. Если бы Вы сказали только это, Вы были бы совершенно правы; но рядом с тем Вы сказали много такого, чего сказать конечно не хотели»³¹.

²⁵ Чичерин 1858. С. 237. См. также Чичерин 2010. С. 402–404.

²⁶ Некий А. Спартанский – псевдоним не раскрыт. См.: Спартанский 1859.

²⁷ Панаев 1859. С. 260.

²⁸ Панаев 1902. С. 231.

²⁹ Панаев 1859.

³⁰ Кавелин, Чичерин 1855. С. 31.

³¹ ОР РГБ. Ф. 334 П. 2 Ед хр. 22. Л. 17. См. Чичерин 2010. С. 397.

Панаев и Кавелин не стремились опровергнуть призывы Чичерина к умеренности и рациональности, их недовольство было вызвано неуважительным к издателю «тоном» его послания. Резкий «тон», по их мнению, свидетельствовал о том, что Чичерин не отдавал должного важной роли «Колокола» в подготовке реформ и, фактически, солидаризировался с консервативными противниками либерализма.

Герцен выбрал другую стратегию защиты в своих статьях против Чичерина. Он не остановился на критике «тона» последнего, но попытался дойти до сути их противоречий. Отправной точкой его размышлений было иное, нежели у Чичерина, представление о политике. Для того она была упорядоченной областью, где при помощи сложных институтов «согласуются враждебные интересы»³². Герцен же писал о политике как о деятельности, которая лишена правил и ограничений. Политика, по мнению Герцена, являлась жестокой борьбой разных групп. Участие в ней закономерно порождает эмоции. Эмоциональность, настаивал он, не означает бездеятельности, скорее наоборот:

«...люди, брошенные в борьбу, исходят страстной верой и страстным сомнением, истощаются гневом и негодованием, перегорают быстро, падают в крайность, увлекаются и мрут на полдороге – много раз споткнувшись. Не имея ни исключительной системы, ни духа партии – всё отталкивающего, – мы имеем незыблемые основы, страстные сочувствия, проводившие нас – от ребячества до седых волос, в них у нас нет *легкомыслия*, нет *колебания*, нет *уступок!*»³³

Герцен был убежден, что эмоции являются неустранимой частью не только политической жизни человека, но и жизни вообще. Поэтому скрытые или подавленные эмоции он считал признаком неискренности, лжи и неестественности. В человеке, по его мнению, разум и чувства были одинаково важны, поэтому они должны получать равные развитие и выражение в деятельности каждого. Равенство чувств и разума требовало реализации принципа искренности, т.е. неограниченного проявления чувств³⁴.

Герцен старался продемонстрировать, что если человеческие отношения и культура эмоциональны по своей природе, то утаивание этого аспекта было бы своего рода политической цензурой и одновременно отказом от принципа реалистического всестороннего описания действительности. «Колокол» должен был предоставлять площадку не только «мыслящим людям России» с их рациональными аргументами, но также и «людям, страдающим в России, их боли и ненависти, «раздирающему душу... воплю».³⁵ В «Колоколе» действительно часто появлялись материалы, которые не могли оставить равнодушными как читателя, так и саму редакцию. Так, в номере от 15 марта 1859 г. вышла заметка о наси-

³² Чичерин 1858. С. 237.

³³ Герцен 1958. Т.13 С. 262-263.

³⁴ Герцен. 1953. Т. 3. С. 195, 233.

³⁵ Из второго письма 1859. С.329.

лии и издевательствах помещика Гутцейта над своей крепостной – 12-летней девочкой. Герцен не стремился представить дело как преступление частного лица. Эта рассчитанная на эмоциональную реакцию публики история в его изложении явно приобретала политические коннотации, так как была опубликована в разгар обсуждения составленных в губернских дворянских комитетах проектов отмены крепостного права. Для Герцена представился удобный повод, снова вернуться к позиции «г. Ч.»:

«А тут советуют иметь холодную кровь, спокойное дыхание амфибий, серафимское терпение Симеона Столпника и кротко ждать, чем разродят плантаторские комитеты, в то время как наших сестер и дочерей розгами будут подгонять под господ... «Это уж, кажется, что-то неприлично?» – Да вы взгляните на вашу аркадскую жизнь, на ваши пастушечьи нравы, – взгляните на соседей и убедитесь, что об вас нельзя говорить прилично»³⁶.

В «Колоколе» противники позиции Герцена неоднократно обвинялись в «холодности»³⁷, т.е. в неспособности и нежелании испытывать эмоции. Еще резче выразился один из корреспондентов Герцена, окрестив Чичерина и его сторонников «скопчески-либеральным направлением».³⁸ Но Чичерин никогда не выступал против эмоций как таковых, его критика была сосредоточена на эмоциях, выражаемых публично и влияющих на политику. Чичерин признавал «поэтическую прелесть» «порывов» в сфере личных отношений и в искусстве,³⁹ но он протестовал против любого их использования в политической сфере. Он выступал за строгое разделение частного и публичного, и за создание нейтральной публичной сферы, которая была бы местом, зарезервированным только для рациональных аргументов, при помощи которых представители гражданского общества могли влиять на государство, обладавшее правом и реальной силой претворять в жизнь те или иные меры⁴⁰.

Герцен никогда не был сторонником строгого либерального разделения на частное и публичное⁴¹, хотя и получил характеристику либерала от некоторых исследователей⁴². Например, в своем самом известном произведении, «Былом и думах», Герцен достаточно откровенно делился с публикой подробностями своей частной жизни, которая была для него метафорой и примером реализации его политических идей. В статьях на социально-политические темы он также не стремился скрыть свое отношение к происходящему. Его интроспективные описания эмоций свободно перетекали в политические заявления. Излюбленный

---

³⁶ Герцен 1958. Т. 14 С. 74.

³⁷ См. также: Из второго письма 1859. С.328.

³⁸ Письмо из России ... 1956. С. 212.

³⁹ Чичерин 1858. С. 257.

⁴⁰ Чичерин 1858; Kelly 1977; Чичерин 1862. С. 26-28.

⁴¹ Чуковская 1966 С. 26, 28; Гинзбург 1957. С. 49-50; Малия 2010. С. 201; Астон 1979. Р. 2.

⁴² Берлин 2001; Паперно 2010.

жанр произведений Герцена в связи с этими особенностями получил название «лирическая публицистика»⁴³.

Симптоматично, что после появления «Обвинительного акта» Чичерин в личных письмах продолжил заверять Герцена в своем расположении и в том, что его собственное отношение к нему никак не изменилось⁴⁴. Герцен же объявил ему о полном разрыве, сравнив себя и его с учтивыми офицерами двух воюющих армий⁴⁵. Чичерин, видимо, еще некоторое время после публикации статьи надеялся встретиться с Герценом лично и все уладить⁴⁶, но тот отказал ему во встрече⁴⁷. Герцен не проводил границы между публичными и личными отношениями.

Заметная особенность полемики А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина заключалась в многочисленных отсылках к политическому опыту европейских стран, а именно к истории революций. Исторические примеры переплетались с размышлениями об актуальных на тот момент вопросах внутренней политики России.

Как уже было сказано, автор «Обвинительного акта» считал, что подверженные эмоциям индивиды и группы, строго говоря, неспособны к действию. Тем не менее, он предполагал, что их беспорядочная активность создает множество проблем и опасностей. Чтобы доказать пагубность последствий, к которым ведет рост значения эмоций в политике, он обратился к истории революций. По его словам, крайности революций в прошлом возникали из-за ослепления страстями. Эмоции, как он считал, несовместимы с рефлексией, подверженные их влиянию люди стремятся достичь желаемого как можно скорее и не считают с последствиями. Таким образом, возникает условие для деспотизма, как наиболее просто устроенного и предлагающего самые простые решения политического режима: «К чему может привести разгар общественных страстей, как не к самому жестокому деспотизму? Каждая почти революция представляет этому пример»⁴⁸. По мысли Чичерина, в ходе революций отдельные индивиды и целые народы, движимые страстями, стремятся создать неограниченные демократические деспотические режимы. Чичерин не видел в тот период почвы для народной революции в Российской империи, но все же предполагал, что и в России страсти в политике вызовут к жизни деспотизм и насилие, хотя он отмечал, что у этого процесса, скорее всего, будет другой механизм. Он опасался, что начавшееся брожение и «возгорание страстей» может вызвать ужесточение политического режима, умеренное самодержавие превратится в диктатуру.

---

⁴³ Чуковская 1966. С. 50; Орлова 2004.

⁴⁴ Чичерин 1883.

⁴⁵ Герцен 1962. Т. 26. С. 222.

⁴⁶ Коллективное письмо ... 1892. С. 43.

⁴⁷ Кавелин 1892. С. 14.

⁴⁸ Чичерин 1858. С. 238.

Таким образом, контрреволюция представлялась Чичерину в некотором смысле еще одним видом революции. Ей, как и любой революции, присуще насилие, а надежды на нужные изменения посредством насилия Чичерину представлялись призрачными. Впрочем, правительственную диктатуру, вызванную необходимостью подавить народные волнения, он ставил выше демократической диктатуры и в некоторой степени оправдывал: «И точно, если больной, вместо того, чтобы спокойно и терпеливо выносить лечение, предается бешеным порывам, растравляет себе раны и хватается за нож чтобы отрезать страдающий член, с ним нечего больше делать, как связать его по рукам и ногам»⁴⁹.

Отвечая на эти обвинения Чичерина, В.А. Панаев также обратился к истории революций, но перевернул предложенную оппонентом схему. По его мнению, именно умеренные, рациональные и не допускающие эмоций в политику либеральные правительства зачастую оказываются виновниками насилия. Панаев воспользовался примером восстания рабочих в Париже в июне 1848 г. Всю вину за жертвы он, вслед за Герценом⁵⁰, возложил на подавившее восстание левое республиканское правительство, а не на восставших рабочих, которые протестовали против закрытия общественных мастерских. Это правительство, несмотря на свое революционное происхождение, по мнению автора, было воплощением буржуазного принципа либеральной умеренности:

«Садитесь пожалуйста рядом с вашими родными братьями, благородными представителями Франции 1848 года, которые вызвали сами резню, а потом нещадно казнили безвинных. Будьте покойны, «Колокол» не будет причиной пролития, хотя единой капли крови. Это вы! Вы! единственно вы можете быть причиной»⁵¹.

Герцен тоже прибегал к историческим параллелям с французской революцией. В разгар дискуссии, он заметил в письме к М.К. Рейхель, что его собственная позиция восходит к якобинизму с его руссоистским культом искренности и эмоциональности, а его умеренный оппонент является идейным наследником сдержанных и либеральных жирондистов⁵².

Революция была крайним и вместе с тем далеким от российских реалий примером проявления эмоций в политике. Но примеры европейских политических переворотов представляли интерес, поскольку в России, по мнению участников спора, существовала некоторая возможность революции. Для Герцена, осуждавшего политическое насилие, революция, тем не менее, не была чисто отрицательным явлением. Революционные изменения были вызваны или сопряжены, как он считал, с искренним и естественным желанием революционеров помочь народу, а

---

⁴⁹ Чичерин 1858. С. 238.

⁵⁰ Герцен 1955. Т. 5. С. 153-156.

⁵¹ Панаев 1859. С. 261.

⁵² Герцен 1962. Т. 26. С. 252.

также освобождением чувств и желаний последнего от пут цивилизации⁵³. Для его оппонентов искренность и сострадание в революционной политике ассоциировалась скорее с преступлениями и хаосом бессмысленных действий толпы и радикальных правительств. Видя причину хаоса в эмоциональности, либеральные деятели считали, что ее следует избегать всеми возможными средствами. Европейские революции стали грозным предостережением против доктрины искренности в политике.

Таким образом, причиной формирования двух полярных точек зрения на роль эмоций в политике, которые проявили себя в названном споре, возможно, стала разная оценка опыта революций во Франции и в других странах. Судя по всему, эта ситуация не была уникальной. Существуют работы, посвященные сходным интеллектуальным движениям в Великобритании и Франции. Там рефлексия о французской революции (1789–1799 гг.) приводила некоторых общественных деятелей и писателей к выводам, что ее жестокости и преступления могут быть объяснены разгулом страстей. Идея искренности, свободного выражения чувств оказывалась скомпрометированной, и на первый план выходили требования рационализации политической сферы⁵⁴.

В заключение целесообразно сказать о возможности обобщения и о его границах. Было бы излишне осторожным говорить, что выявленная в представленном споре взаимосвязь между политическими идеями и определенным отношением к эмоциям присуща только А.И. Герцену, Б.Н. Чичерину; а также считанному числу их сторонников, непосредственно участвовавших в дискуссии. Герцен упоминает о десятках «якобинских» писем от молодежи⁵⁵, есть свидетельства о широкой поддержке Чичерина московскими либеральными кругами и окружением либеральной великой княгини Елены Павловны⁵⁶.

История эмоционального режима /режимов русских народников, анархистов и социал-демократов, на которых мог повлиять Герцен, – тема для отдельного масштабного исследования. На данном этапе невозможно создать целостную картину. Оправдание страсти как движущей силы политики и прогресса можно обнаружить в теоретических работах, например, у друга Герцена анархиста М.А. Бакунина⁵⁷. Политические стихи и песни, бытовавшие в среде радикально-демократической молодежи начиная с 1850-х⁵⁸, позволяют сделать вывод о тесной связи эмоциональности и политики в представлениях широких кругов формировавшегося народничества. Однако нельзя утверждать, что существова-

---

⁵³ Герцен 1955. Т. 5. С. 155; Т. 6. С. 138.

⁵⁴ Reddy 2001. P. 211-256; Maniquis 1989.

⁵⁵ Герцен 1962. Т. 26. С. 252.

⁵⁶ Чичерин 2010. С. 393-394; Герцен 1956. Т. 8. С. 249-250.

⁵⁷ Бакунин 2010 С. 413-415.

⁵⁸ См.: Бушканец 1961.

ла строгая связь между определенным кругом политических идей и повышенным вниманием к эмоциональности. Начиная с 1860-х гг. среди русских социалистов имело определенный вес мнение, что опорой в общественно-политических преобразованиях должны быть подчеркнута беспристрастные и объективные социальные науки⁵⁹. Характерен также пример одного из самых влиятельных авторов-народников П.А. Лаврова, который утверждал в «Исторических письмах» (опубл. в 1868–1869 гг.), что история делается под влиянием мысли, а «аффекты» обычно оборачиваются лишь «личными драмами»⁶⁰.

Столь же неоднозначной выглядит ситуация с отношением к чувствам в русском либеральном движении. Можно утверждать, что либералы были сторонниками рациональности и умеренности в политике. Тем не менее, материалы, относящиеся к данному спору, показывают, что аргументы в пользу этих принципов сами вполне могли быть эмоционально окрашены. Критики замечали, что Чичерин, выступая за беспристрастность, возражал Герцену под влиянием задетых чувств, а не одного лишь холодного расчета, что выразилось в резком тоне его послания⁶¹. Сторонники умеренного и разумного пути реформ Панаев и Кавелин для оправдания своей позиции свободно прибегали к эмоционально окрашенным выражениям, которые легко могли бы встретиться в произведениях того же Герцена⁶².

Хотя эмоциональные режимы были точками сборки различных политических направлений, на практике их отношения с политическими идеями подчас имели довольно запутанный и неоднозначный характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 334 П. 2. Ед хр. 22. Л. 17-26.
- Герцен А.И. Чичерину Б.Н. (черновое) 16 ноября 1858 г. // Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 26. С. 222.
- Герцен А.И. Рейхель М.К. 6-7 апреля 1859 г. // Полн. собр. соч. 1962. Т. 26. С. 251-252.
- Чичерин Б.Н. Герцену А.И. 11 ноября 1858 г. // // Вольное слово. 1883. №61-62. С. 6.
- Бакунин М.А. Письмо к С.Г. Нечаеву // Избр. труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 390-430.
- Барсуков Н.П. Труды и дни М.П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.
- Берлин И. Герцен и Бакунин о свободе личности / Пер. с англ. И. Казаковой // История свободы в России. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 85-126.
- Бушканец Е. Г. О дух «писем» в редакцию «Колокол» // Литературное наследство. Т. 63. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 212-219.
- Возражения на «Обвинительный акт» // Колокол. 1858. № 30-31. С. 253-254.

⁵⁹ Серно-Соловьевич Н.А. 1908. С. 496-505

⁶⁰ Лавров 1965. С. 105.

⁶¹ Панаев 1859. С. 261.

⁶² См.: Возражения... 1858. С. 254. «Обвинительный акт» предаёт посмеянию то, что бьется в груди». ОР РГБ. Ф. 334 П. 2. Ед хр. 22. Л. 21. «С каким пренебрежением, даже презрением, трактуете Вы наше горе и наши страдания! С издания рескриптов 20 ноября и 5 дек., чего, чего, Боже великий, мы не натерпелись и не вынесли!».

- Герцен А.И. Былое и думы // Полн. собр. соч. 1956. Т. 9. С.
- Герцен А.И. Возражения на обвинительный акт // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 416-418.
- Герцен А.И. Нас упрекают // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 261-263.
- Герцен А.И. Обвинительный акт // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 404-406
- Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Полн. собр. соч. 1955. Т. 5. С. 7-226.
- Герцен А.И. Письма об изучении природы // Полн. собр. соч. 1953. Т. 3 С. 89-315.
- Герцен А.И. Постельная барщина продолжается // Полн. собр. соч. 1958. Т. 14. С. 74-75.
- Герцен А.И. Предисловие к «Колоколу» // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 7-12.
- Герцен А.И. С того берега // Полн. собр. соч. 1955. Т. 6. С. 7-142.
- Герцен А.И. Собрание сочинений и писем: В 22 т. / Под ред. М.К. Лемке. П.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению. 1919. Т. 9. С. 406-424, 440-442, 484-495.
- Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. М.: Художественная литература. 1957. 375 с.
- Еще и еще письма против обвинительного акта помещенного в 29 листе „Колокола“ // Колокол. 1859. № 39. С. 315-316.
- Из второго письма // Колокол. 1859. №40-41. С. 327-329.
- Кавелин К.Д. Герцену А.И. 21 августа 1859 г. // Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева: Украинская типография, 1892. С. 11-16.
- Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон: Trubner & Co., 1856. вып. 1. С. 9-36.
- Коллективное письмо к К. Дм. Кавелину // Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева: Украинская типография, 1892. С. 42-43.
- Лавров П.Л. Исторические письма // Философия и социология: В 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 5-295.
- Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812-1855 / пер. с англ. А. Павлова, Д.Узланера. М.: Территория будущего, 2010. 568 с.
- Нелегальная поэзия революционных кружков конца 50-х - начала 60-х годов XIX века / Под ред. Е.Г. Бушканца. Казань: Издательство Казанского университета, 1961. 41 с.
- Опоздавшие письма из Петербурга. 2 // Колокол. 1858. №23/24. С. 188-190.
- Орлова Р. Последний год жизни Герцена // Вестник Европы. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html>
- Панаев В.А. Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1902. № 5. С. 317-336.
- Панаев В.А. Письмо к издателю Колокола // Колокол. 1859. №32-33. С. 260-264.
- Паперно И. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции // НЛЮ. 2010. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>
- Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / Под ред. М.П. Драгоманова. Женева: Украинская типография, 1892. С. 16-43
- Письмо из России по поводу обвинительного акта г. Ч. // Литературное наследство. Т. 63. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 212-219.
- Протест против «Обвинительного акта» // Колокол. 1858. № 30/31. С. 253-254.
- Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.
- Русский Человек Письмо из провинции // Колокол. 1860. № 64. С. 533-535.
- Серно-Соловьевич Н.А. Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки? // Лемке М.К. Очерки освободительного движения 1860-х годов. СПб.: Изд-во О.Н. поповой, 1908. С. 496-505.
- Спартанский А. Письмо в защиту г. Ч. // Колокол. 1859. № 32/33. С. 264-265.
- Чернышевский Н.Г. Г. Чичерин как публицист // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1985. С. 644-673.
- Чижков С.Л. Герцен и Чичерин: драма размежевания политических течений // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. М.: Канон-плюс, 2013. С. 95-108.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания: В 2 т. М.: Изд-во имени Сабашиных, 2010. Т. 1. 497 с.
- Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по государственному праву // Несколько современных вопросов. М.: Издание К. Солдатенкова, 1862. С. 23-42.
- Чичерин Б.Н. Обвинительный акт // Колокол. 1858. № 29 С. 236-239.
- Чуковский Л.К. «Былое и думы» Герцена. М.: Художественная литература, 1966. 184 с.

REFERENCES

- Herzen A.I. Chicherin B.N. (chernovoe) 16 nojabrja 1858 g. // Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. T. 26. S. 222.
- Herzen A.I. Rejhel' M.K. 6-7 aprelya 1859 g. // Sobranie sochinenij. T. 26. 1962. S. 251-252.
- Bakunin M.A. Pis'mo k S.G. Nechaevu // Izbrannye trudy. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 390-430.
- Berlin I. Herzen i Bakunin o svobode lichnosti / Per. s angl. I. Kazakovej // Istorija svobody v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. S. 85-126.
- Bushkanec E. G. O dvuh «pis'mah» v redakciju «Kolokol» // Literaturnoe nasledstvo t. 63. Literaturnoe nasledstvo. T. 63. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. S. 212-219.
- Ginzburg L.Ja. «Byloe i dumy» Herzena. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1957. 375 s.
- Lavrov P.L. Istoricheskie pis'ma // Filosofija i sociologija: V 2 t. M.: Mysl', 1965. T. 2. S. 5-295.
- Malia M. Aleksandr Herzen i proishozhdenie russkogo socializma. 1812-1855 / per. s angl. A. Pavlova, D. Uzmanera. M.: Territorija budushhego, 2010. 568 s.
- Nelegal'naja poezija revoljucionnyh kruzhkov konca 50-h - nachala 60-h godov XIX veka / Pod red. E.G. Bushkanca. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1961. 41 s.
- Orlova R. Poslednij god zhizni Herzena // Vestnik Evropy. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html>
- Paperno I. Intimnost' i istorija: semejnaja drama Herzena v soznanii russkoj intelligencii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>
- Rossijskaja imperija chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii jemocij / Pod red. Ja. Plampera, Sh. Shahadat, M. Jeli. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 512 s.
- Chernyshevskij N.G. G. Chicherin kak publicist // Sochinenija: V 2 t. M.: Mysl', 1985. S. 644-673.
- Chizhkov S.L. Herzen i Chicherin: drama razmezhevanija politicheskikh techenij // Aleksandr Ivanovich Herzen i istoricheskie sud'by Rossii. M.: Kanon-pljus, 2013. S. 95-108.
- Chicherin B.N. Vospominanja: V 2 t. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh, 2010. T. 1. 497 s.
- Chukovskaja L.K. «Byloe i dumy» Herzena. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1966. 184 s.
- Acton E. Alexander Herzen and the role of the intellectual revolutionary. Cambridge: CUP, 1979. 194 p.
- Doing Emotions History / Ed. S. Matt, P. Stearns. Champaign: Un-ty of Illinois Press, 2013. 224 p.
- Kelly A. "What Is Real Is Rational": The Political Philosophy of B. N. Chicherin // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. Vol. 18. P. 195-222
- Maniquis R. Holy Savagery and Wild Justice: English Romanticism and the Terror // Studies in Romanticism. 1989. Vol. 28. № 3. P. 365-395.
- Plamper J. The History of Emotions: An Introduction. Oxford: OUP, 2015. 368 p.
- Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 396 p.

Ильин Андрей Александрович, специалист, аспирант ИГИТИ им. А.В. Поletaева, НИУ ВШЭ; andrew.a.ilyin@gmail.com

“A soul-wrenching cry”: The debates of A.I. Herzen and B.N. Chicherin about the role of emotions in politics

The article examines the debates between A.I. Herzen and B.N. Chicherin in the newspaper “Kolokol” in 1858-1859. It's shown that role of emotions in politics was the main subject of the controversy. Analysis of various arguments demonstrates that A.I. Herzen was a proponent of sincere expression of emotions in politics and journalism, whereas B.N. Chicherin advocated rationalization of the political sphere for the sake of prevention of unrests and revolutions. It is argued that the controversy had a certain impact on attitude of Russian socialists and liberals towards emotions.

Keywords: A.I. Herzen, B.N. Chicherin, emotions, history of emotions, “Kolokol”

Andrey Ilyin, Specialist, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, graduate student, Higher School of Economics, andrew.a.ilyin@gmail.com